

А.И. Кирпичников

**Очерки по истории новой русской
литературы**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
А11

А11 **А.И. Кирпичников**
Очерки по истории новой русской литературы: Том 2 / А.И. Кирпичников – М.: Книга по Требованию, 2013. – 229 с.

ISBN 978-5-458-16903-5

Пушкинский период. Издание 2-е дополненное. Сборник статей А.И. Кирпичникова о русских писателях.

ISBN 978-5-458-16903-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

она не походила на подгородную дачу; проживая изрѣдка въ собственныхъ имѣніяхъ (въ инья онъ ни разу и не заглядывалъ), онъ, когда не было гостей, проводилъ все время въ кабинетѣ, за книгами. Дома вспыльчивый и раздражительный (когда обстоятельства принуждали его подумать о хозяйствѣ или дѣтяхъ), съ посторонними онъ бывалъ веселъ, оживленъ и внимателенъ. По выраженію Анненкова, у него не было времени для собственныхъ дѣлъ, такъ какъ онъ слишкомъ много занимался чужими. Онъ до старости отличался пылкимъ воображеніемъ и впечатлительностью, доходившею до смѣшного. Обыкновенно расточительный и небрежный въ денежныхъ дѣлахъ, онъ временами становился мелочно расчетливымъ и даже скареднымъ. Онъ былъ способенъ острить у смертнаго одра жены; зато иногда отъ пустяковъ разливался въ слезахъ. Никому не хотѣлъ и не могъ онъ внушить страха или ненависти; но зато никому не внушалъ и уваженія; пріятели любили его, и собственнымъ дѣтямъ, когда они подросли, онъ часто казался жалкимъ и самъ настойчиво требовалъ отъ нихъ, чтобы они опекали его, какъ маленькаго ребенка. Его любимая поговорка: *que la volonté du ciel soit faite* вовсе не была выраженіемъ искренней вѣры и готовности подчиниться волѣ Провидѣнія, а только фразой, которою онъ прикрывалъ свой эгоистическій индифферентизмъ ко всему на свѣтѣ. Мать поэта, Надежда Осиповна, урожденная Ганнибалъ (1775—1836) была на четыре года моложе мужа, но несравненно сильнѣй его характеромъ. Основателемъ ея фамиліи былъ «арапъ Петра Великаго», по происхожденію абиссинскій князекъ Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. Онъ умеръ въ 1781 г. генераль-аншефомъ и александровскимъ кавалеромъ, оставивъ 7 человекъ дѣтей и болѣе 1400 душъ. Это была мягкая, трусливая, но вспыльчивая абиссинская натура, «наклонная къ невообразимой необдуманной рѣшимости¹⁾». Сыновья унаслѣдовали его вспыльчивость: крѣпостныхъ людей, возбудившихъ ихъ гнѣвъ и ими наказанныхъ, «выносили на простыняхъ». Двое изъ нихъ, Иванъ и Петръ (котораго поэтъ посѣтилъ въ его деревнѣ въ 1817 г.), достигли высокихъ чиновъ, но при этомъ Петръ писалъ совсѣмъ безграмотно. Третій братъ, родной дѣдъ поэта, Осипъ (онъ же и Януарій), женатый на дочери тамбовскаго воеводы Пушкина, Марьѣ Алексѣевнѣ, женился потомъ

¹⁾ Анненковъ, Пушкинъ въ александровскую эпоху, стр. 5.

вторично, поддѣлавъ, говорятъ, свидѣтельство о смерти жены. Марья Алексѣевна жаловалась государынѣ, и права ея были восстановлены. Послѣ этого она поселилась въ деревнѣ съ своей единственной дочерью Надеждой, подъ покровительствомъ своего шурина и крестнаго отца дочери—Ивана Абрамовича Ганнибала, строителя Херсона и наваринскаго героя. Марья Алексѣевна была добрая женщина и прекрасная хозяйка деревенскаго, старорусскаго склада, но дочь свою она избаловала порядкомъ, «что сообщило нраву молодой красивой креолки, какъ ее потомъ называли въ свѣтѣ, тотъ оттѣнокъ вспыльчивости, упорства и капризнаго властолюбія, который замѣчали въ ней позднѣе и принимали за твердость характера ¹⁾». Мужа своего Надежда Осиповна настолько забрала въ руки, что онъ до старости курилъ секретно отъ нея; къ дѣтямъ и прислугѣ она бывала непомѣрно сурова, и обладала способностью «дуться» на тѣхъ, кто возбудилъ ея неудовольствіе, цѣлыми мѣсяцами и даже болѣе (такъ съ сыномъ Александромъ она не разговаривала чуть не цѣлый годъ). Хозяйствомъ она занималась почти также мало, какъ и мужъ, и подобно ему страстно любила свѣтъ и развлеченія. Когда Пушкины переѣхали въ Петербургъ, домъ ихъ «всегда былъ наизнанку: въ одной комнатѣ богатая старинная мебель, въ другой пустыя стѣны или соломенный стулъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня съ баснословной неопрятностью; ветхіе рыдваны съ топими клячами, и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана». Приблизительно такова же была ихъ жизнь и въ Москвѣ; но тамъ это не въ такой степени бросалось въ глаза: состоятельныя дворянскія семьи сплошь и рядомъ жили подобнымъ образомъ... Пушкины отличались отъ многихъ другихъ только большею, такъ сказать, литературностью; въ этомъ отношеніи тонъ давалъ Сергѣй Львовичъ, который и по собственной инициативѣ и черезъ брата Василя былъ въ дружбѣ съ многими литераторами и любителями поэзіи; въ его домѣ даже одинъ изъ лакеевъ сочинялъ стихи.

Въ раннемъ дѣтствѣ Александръ Пушкинъ не только не представлялъ ничего выдающагося, но своей неповоротливостью и молчаливостью приводилъ въ отчаяніе мать свою, которая любила его гораздо меньше, нежели сестру его Ольгу и младшаго брата Льва (1806—1852). Когда принимались слишкомъ энергично и с-

¹⁾ Анненковъ, тамъ-же.

правлять его манеры и характеръ, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ (послѣ замужества дочери она поселилась съ Пушкиными) и прятался въ ея рабочую корзинку, гдѣ его уже не смѣли тревожить. Бабушка были первой наставницей поэта въ русскомъ языкѣ; отъ нея же, вѣроятно, наслушался онъ разказовъ о семейной старинѣ. Въ ея сельцѣ Захаровѣ или Захарьинѣ, о которомъ Пушкинъ долго сохранялъ пріятныя воспоминанія, онъ слыхалъ пѣсни и видалъ хоробы и другія народныя увеселенія (Захарово принадлежало къ приходу богатаго села Вязѣма, которое было когда-то собственностью Бориса Годунова и помнило о своемъ царственномъ владѣльцѣ). Другой связью Пушкина съ народностью служила Арина Родіонова, когда то вынянчившая Надежду Осиповну, а теперь нянчившая всѣхъ ея дѣтей, женщина преданная и очень умная; она знала безчисленное количество поговорокъ, пословицъ, пѣсенъ и сказокъ и охотно сообщала ихъ своему питомцу. Только съ нею да съ бабушкой и еще съ законоучителемъ своимъ Бѣликовымъ (очень образованнымъ человекомъ) Пушкинъ имѣлъ случай говорить по-русски: отецъ, мать, тетки (Анна Львовна Пушкина и Елизавета Львовна, по мужу Солнцева, тоже имѣли вліяніе въ домѣ), почти всѣ гости, а главное гувернеры и гувернантки (большею частію плохіе; объ одномъ гувернерѣ, Шеделѣ, извѣстно, что любимымъ его занятіемъ была игра въ карты съ прислугой) объяснялись съ дѣтьми исключительно по-французски, такъ что и между собою дѣти пріучились говорить на томъ-же языкѣ.

Пушкинъ въ началѣ учился плохо (особенно трудно давалась ему ариѳметика) и отъ гувернантокъ испытывалъ крупныя непріятности, отравлявшія ему воспоминанія о дѣтскихъ годахъ. Около 9 лѣтъ отъ роду Пушкинъ пристратился къ чтенію, разумѣется, французскому и, начавъ съ Плутарха и Гомера въ переводѣ Битобе, перечиталъ чуть ли не всю довольно богатую бібліотеку своего отца, состоявшую изъ классиковъ XVII вѣка и изъ поэтовъ и мыслителей эпохи *просвѣщенія*. Преждевременная начитанность въ произведенія эротическихъ и сатирическихъ, которыми была такъ богата французская литература той эпохи, способствовала преждевременному развитію чувства и ума Пушкина, а литературные нравы дома и особая любовь, которую Сергѣй Львовичъ питалъ къ Мольеру—онъ читалъ его вслухъ для поученія дѣтямъ—возбудили въ мальчикѣ охоту пытаться свои силы въ творчествѣ опять

таки главнымъ образомъ на французскомъ языкѣ. Между наиболѣе ранними его произведеніями преданіе называетъ комедію «l'Escamoteur» — близкое подраженіе Мольеру—и шуточную поэму «la Tolyade» (сюжетъ—война между карликами и карлицами во времена короля Дагоберта), начатую по образцу многочисленныхъ французскихъ пародій XVIII в. на высокій «штиль» героическихъ поэмъ. Есть еще не совсѣмъ достовѣрное указаніе на цѣлую тетрадку стихотвореній маленькаго Пушкина, между которыми были и русскія. Раннее развитіе, по-видимому, не сблизило Пушкина съ его родителями: его характеръ продолжали исправлять, ломая его волю, а онъ оказывалъ энергичное сопротивленіе. Въ результатѣ отношенія обострились настолько, что 12-лѣтній мальчикъ изо всѣхъ домашнихъ чувствовалъ привязанность только къ сестрѣ и съ удовольствіемъ ожидалъ момента, когда ему придется покинуть родительскій домъ. Сначала Пушкина думали отдать въ іезуитскую коллегію въ Петербургѣ, гдѣ тогда воспитывались дѣти лучшихъ фамилій; но 11 января 1811 г. былъ опубликованъ указъ о предстоящемъ открытіи царскосельскаго лицея, и, благодаря настояніямъ и хлопотамъ А. И. Тургенева и дружескимъ связямъ Сергѣя Львовича съ директоромъ новаго учебнаго заведенія В. Ѳ. Малиновскимъ, Пушкинъ оказался въ числѣ кандидатовъ для поступленія въ новое учебное заведеніе, которое должно было находиться подъ особымъ покровительствомъ государя. Готовясь въ лицей, Пушкинъ прожил нѣкоторое время въ Петербургѣ у дяди Василія Львовича, и у него впервые встрѣтился съ представителями петербургскаго свѣта и литературы. 12 августа Пушкинъ одновременно съ Дельвигомъ выдержалъ вступительный экзаменъ и 19 октября присутствовалъ на торжествѣ открытія лицея. Преподавателями лицея были назначены люди прекрасно подготовленные (иные—за границей) и большею частію способные. Программа преподаванія была строго обдуманная и широкая (можетъ быть, даже излишне-широкая): кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, въ нее входили и философскія и общественно-юридическія науки. Число воспитанниковъ было строго ограничено, и они были обставлены наилучшимъ образомъ: никакихъ унижительныхъ наказаній не было; каждый воспитанникъ имѣлъ свою особую комнатку, гдѣ онъ пользовался полной свободой. Въ отчетѣ о первомъ годѣ конференція лицея говоритъ, что ученикамъ «каждая истина предлагалась такъ, чтобы возбудить само-

дѣятельность ума и жажду познанія ...а все пышное, высокопарное, школьное совершенно удаляемо было отъ ихъ понятія и слуха»; но этотъ отчетъ, какъ справедливо говорить Анненковъ, скорѣй выражаетъ идеаль, чѣмъ дѣйствительность. Преподаватели, отчасти вслѣдствіе плохой подготовки слушателей, отчасти по другимъ общественнымъ и частнымъ причинамъ, оказались далеко не на высотѣ своей задачи и большею частію ограничивались спрашиваніемъ своихъ тетрадокъ; иные, какъ напр. любимецъ лицеистовъ А. И. Галичь, участвовали въ пирушкахъ своихъ аристократическихъ учениковъ и мирволили имъ въ классахъ и на экзаменахъ. Даже самая свобода или, точнѣе, безнадзорность приносила нѣкоторый вредъ слишкомъ юнымъ «студентамъ», знакомя ихъ съ такими сторонами жизни, которыя выгоднѣе узнавать позднѣе. Къ тому же, на третій годъ существованія лицея скончался его первый директоръ, и почти два года (до назначенія Е. А. Энгельгардта въ 1816 г.) настоящаго главы въ заведеніи не было; преподаваніе и особенно воспитательная часть пострадали отъ этого весьма существенно. Но съ другой стороны та же свобода, въ связи съ хорошей педагогической обстановкой, развивала въ лицеистахъ чувство человѣческаго достоинства и стремленіе къ самообразованію. Если солидныя знанія и приходилось лицеистамъ пріобрѣтать своимъ трудомъ впослѣдствіи, то лицеемъ они были обязаны охотой къ этому труду, общимъ развитіемъ и многими гуманными, свѣтлыми идеями. Вотъ почему они и относились съ такимъ теплымъ чувствомъ къ своему учебному заведенію и такъ долго и единодушно поминали 19 октября. Читеніе римскихъ прозаиковъ и поэтовъ было поставлено въ лицей довольно серьезно; классическую миѳологію древности и литературу лицеисты знали не хуже нынѣшнихъ студентовъ; литературу французскую, безъ сомнѣнія, — много лучше; а весьма серьезный интересъ къ родной словесности и охоту дѣйствовать на этомъ поприщѣ самостоятельно лицеемъ получилъ еще въ наслѣдство отъ московскаго благороднаго университетскаго пансіона, который выслалъ сюда нѣсколькихъ учениковъ и лучшихъ учителей.

Природныя способности Пушкина быстро развернулись въ лицей; онъ читалъ чрезвычайно много, и все, однажды прочитанное, помнилъ отлично; больше всего интересовался онъ французской и русской словесностью и исторіей; онъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ въ рукописныхъ лицейскихъ журналахъ

и однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ кружка лицейскихъ новеллистовъ и поэтовъ (Илличевскій, Дельвигъ, Кюхельбекеръ и др.), которые, собираясь по вечерамъ, экспромтомъ сочиняли повѣсти и стихи. Учился Пушкинъ не очень усердно. Кайдановъ, преподававшій географію и исторію, аттестуетъ его такъ: «При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго». Куницынъ, профессоръ логики и нравственныхъ наукъ, пишетъ о немъ: «весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне непрілеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень невелики, особенно по части логики». Тѣ изъ товарищей, которые имѣли случай узнать его впечатлительную натуру и отзывчивое, мягкое сердце, искренно любили его; но большинство, замѣчавшее только его неумѣренную живость, самолюбіе, вспыльчивость и склонность къ злой насмѣлкѣ, считало его тщеславнымъ эгоистомъ; его прозвали французомъ, преимущественно за прекрасное знаніе французскаго языка, но въ 1811 и слѣд. годахъ это былъ во всякомъ случаѣ эпитетъ непохвальный. Раздражительность, принесенная Пушкинымъ изъ дому, получила въ лицей новую пищу вслѣдствіе такого отношенія товарищей; по живости характера Пушкинъ самъ наталкивался на ссоры, а такъ какъ онъ, несмотря на огромныя способности и остроуміе, не отличался быстрой находчивостью, то далеко не всегда могъ оставаться побѣдителемъ даже въ словесныхъ турнирахъ, что очень огорчало и раздражало его. Предаваясь неумѣренной веселости днемъ, Пушкинъ часто проводилъ безсонныя ночи въ своемъ № 14 (здѣсь прожилъ онъ всѣ 6 лѣтъ ученья), то обливаясь слезами и обвиняя себя и другихъ, то обдумывая способы, какъ бы измѣнить къ лучшему свое положеніе среди товарищей.

Въ 1814 г. Сергѣй Львовичъ Пушкинъ вновь поступилъ на службу—въ Варшавѣ, по комиссаріату (чиновникомъ онъ оказался, конечно, крайне небрежнымъ), а его 15-лѣтній сынъ впервые выступилъ въ печати (съ стихотвореніемъ: «Другу стихотворцу» въ № 13 Вѣстника Европы за подписью Александръ Н. К. ш. п.), что впрочемъ въ то время для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній вовсе не было необыкновенной честью; Пушкинъ писалъ только усерднѣе и лучше другихъ. Несмотря на подъемъ

патріотическаго чувства, которое было естественнымъ слѣдствіемъ событій 1812—1814 г.г., первые поэтическіе опыты Пушкина направлялись не въ эту сторону, а являлись подражаніемъ лучшихъ представителей любовной и вакхической лирики и отчасти легкой сатиры. Изъ римскихъ поэтовъ Пушкинъ, естественно, былъ ближе всего къ Горацию; изъ французскихъ — подражалъ преимущественно Парни, изъ русскихъ — Батюшкову, Жуковскому, Василию Пушкину и др. Но и въ этихъ «полудѣтскихъ пѣсняхъ на чужой голосъ» мѣстами слышится будущій великій поэтъ то въ искренности чувства, то въ оригинальности мыслей и ощущеній, то въ силѣ и смѣлости отдѣльныхъ картинъ и стиховъ, то наконецъ въ оригинальномъ выборѣ образцовъ для подражанія. Въ этихъ пробахъ пера нельзя не замѣтить и умѣнья усвоивать отъ каждаго образца лучшее и быстро отдѣлываться отъ его недостатковъ. Такъ, псевдоклассическій арсеналъ боговъ и полубоговъ, слишкомъ богатый въ раннихъ стихотвореніяхъ Пушкина, скоро уступаетъ мѣсто умѣренному употребленію давно утвердившихся и всѣмъ понятныхъ формулъ; славянскія тяжеловатая выраженія въ родѣ: *пренесенный*, *взмущенны* воины, *расточилъ* враговъ, *черный* вранъ *стрежетъ*, быстро рѣдѣютъ и употребляются только въ наименѣе задушевныхъ его пьесахъ.

Въ высшей степени поразителенъ фактъ, что одно изъ произведеній 15-лѣтняго лицеиста, который три года назадъ думалъ по-французски, сдѣлалось почти народною пѣснью и, начиная съ 20-хъ годовъ, перепечатывалось на лубочныхъ листахъ; это такъ наз. «Романсъ» («Подъ вечеръ осенью ненастной»), отъ котораго потомъ, по забывчивости, отказывался самъ авторъ.

Характерную черту того вѣка представляетъ проявленіе чувственности въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ поэта-отрока, каковы: «Къ Натальѣ», «Къ молодой актрисѣ», «Красавицѣ, которая нюхаетъ табакъ» и др.

Если раннее появленіе въ печати не могло выдвинуть Пушкина изъ среды товарищей (первое стихотвореніе Дельвига появилось еще раньше пушкинскаго), то экзаменъ 8 января 1815 г. поставилъ его далеко впереди всѣхъ другихъ и сдѣлалъ его извѣстнымъ за стѣнами лицея. На этомъ экзаменѣ, какъ объ этомъ знали заранее, присутствовалъ Державинъ. Пушкину велѣли прочесть собственное стихотвореніе: «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», написанное

(по совѣту Галича) въ державинскомъ, даже отчасти ломоносовскомъ духѣ (но мѣстами съ истиннымъ чувствомъ, сильно и красиво выраженнымъ) во славу Екатерины, ея пѣвца и ея побѣдоноснаго внука. Державинъ былъ растроганъ, хотѣлъ обнять поэта (который убѣждалъ по юношеской конфузливости) и, говорятъ, публично призналъ въ Пушкинѣ достойнаго себѣ наслѣдника. «Воспоминанія», за полной подписью автора, были напечатаны въ «Россійскомъ Музеумѣ», который въ томъ же году съ гордостью помѣстилъ и еще нѣсколько стихотвореній юнаго поэта.

Съ этого времени на Пушкина начинаютъ смотрѣть иными глазами какъ его товарищи, такъ и его самолюбивые родители, только что переселившіеся въ Петербургъ на постоянное житье. 16-лѣтній юноша, кое-какъ исполняя свой уроки, всецѣло отдается поэзіи, какъ призванію, тѣмъ охотнѣе, что черезъ отца и дядю онъ имѣетъ возможность познакомиться лично съ наиболѣе симпатичными ему писателями; къ нему въ лицей заѣзжали Жуковскій и Батюшковъ, ободряли его и давали ему совѣты; особенно сильно и плодотворно было вліяніе Жуковского, съ которымъ Пушкинъ быстро и близко сошелся уже лѣтомъ 1815 г. Въ самомъ лицейскомъ положеніи Пушкина измѣнилось довольно замѣтно: многіе профессора видятъ въ немъ будущую знаменитость; товарищи распѣваютъ хоромъ нѣкоторыя его пьесы, въ лицей же положенныя на музыку.

Въ своихъ довольно многочисленныхъ стихотвореніяхъ 1815 г. Пушкинъ уже сознаетъ силу своего таланта, высказываетъ глубокую благодарность музѣ, которая скрасила ему жизнь божественнымъ даромъ, мечтаетъ о тихой жизни въ деревнѣ, при условіи наслажденія творчествомъ, но чаще представляетъ себя эпикурейцемъ, ученикомъ Анакреона, питомцемъ нѣги и лѣни, поэтомъ сладострастія, и воспѣваетъ пиры, которые, безъ сомнѣнія, были гораздо роскошнѣе и многочисленнѣе въ его воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Уже въ этотъ періодъ въ Пушкинѣ начинаетъ выработываться способность истиннаго художника—переселяться всецѣло въ чуждое ему міросозерцаніе, и онъ переходитъ отъ субъективной лирики къ объективной (см. стихотвореніе «Къ Лицинію») и даже къ эпосу («Бова», «Казакъ»). Судя по сохранившемуся отрывку его Лицейскихъ записокъ^{*}), написанное имъ въ этомъ году представляетъ только малую часть задуманнаго и даже начатаго: онъ

¹⁾ Изд. фонда V, 2.

обдумываетъ героическую поэму изъ русской старины («Игорь и Ольга»), начинаетъ комедію и пишетъ повѣсть («Фатама или разумъ человѣческой») въ родѣ фантастико-тенденціозныхъ повѣстей Вольтера, котораго онъ изучалъ весьма серьезно. Стихъ Пушкина становится еще болѣе изящнымъ и легкимъ. Образность его выражений можетъ доходить до небывалой въ нашей новой словесности степени (см. напр. стихотвореніе «Мечтатель»); но мѣстами (хоть и рѣдко) особенно въ похвальныхъ псевдоклассическихъ стихотвореніяхъ (напр. «На возвращеніе Государя изъ Парижа») даже свѣжая, оригинальная мысль поэта еще не умѣетъ найти себѣ яснаго выраженія.

Въ 1816 г. извѣстность Пушкина уже настолько велика, что старѣющійся лирикъ Нелединскій-Мелецкій, которому императрица Марія Ѳеодоровна поручила написать стихи на обрученіе великой княжны Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ, прямо направляется въ Лицей и заказываетъ пьесу Пушкину, который въ часъ или два исполняетъ заказъ вполне удовлетворительно. Извѣстные свѣтскіе поэты (кн. П. А. Вяземскій, А. А. Шишковъ) пересылаютъ ему свои произведенія и любезности, но онъ отвѣчаетъ имъ, какъ равный. Дмитріевъ и Карамзинъ съ большою похвалою отзываются объ его дарованіи (Карамзинъ лѣтомъ этого года жилъ въ Царскомъ Селѣ, и Пушкинъ сталъ у него въ домѣ своимъ человѣкомъ); съ Жуковскимъ, котораго послѣ смерти Державина считали первымъ поэтомъ, Пушкинъ уже сотрудничаетъ («Боже, царя храни»). Кругъ литературнаго образованія Пушкина значительно расширяется: онъ перечитываетъ русскихъ поэтовъ XVIII в., начиная съ Тредьяковскаго; онъ знакомится съ нѣмецкой литературой (хотя и во французскихъ переводахъ). Анакреонтическіе мотивы начинаютъ въ его стихотвореніяхъ уступать мѣсто романтизму, навѣянному Жуковскимъ. Въ наиболѣе задушевныхъ его произведеніяхъ господствуетъ элегическое настроеніе, которое въ концѣ пьесы своеобразно заканчивается примиряющимъ аккордомъ (см. напр. «Посланіе къ Горчакову»). Вообще заключительныя строфы стихотвореній Пушкина уже теперь пріобрѣтаютъ особую полноту мысли, пластичность и поразительную звучность.

Крупный фактъ внутренней жизни поэта за это время— юношеская, поэтическая любовь къ сестрѣ товарища К. П. Бакуниной, которая жила въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ и иногда посѣщала Лицей

зимою; самые топкиѣ оттъѣнки этого идеальнаго чувства, то пережитые, то вычитанные у предшественниковъ, Пушкинъ мастерски выражаетъ своимъ мягкимъ и нѣжнымъ стихомъ, которымъ онъ иногда позволяетъ себѣ играть подобно трубадурамъ или мейстерзингерамъ (см. напр. стихотвореніе «Пѣвецъ»). Идеальная любовь, повидимому, не мѣшала его увлеченіямъ иного рода; но и для нихъ онъ умѣлъ находить изящное выраженіе то въ полународной формѣ романса-пѣсенки въ тонѣ Дмитриева и Нелединскаго (см. «Къ Наташѣ»), то съ привнесеніемъ оригинальной идеи (см. «Къ молодой вдовѣ»). Умныя мысли, искреннее чувство и изящныя образы находимъ мы у Пушкина даже въ имянинныхъ поздравленіяхъ товарищамъ и въ альбомныхъ стихотвореніяхъ, которые онъ писалъ имъ передъ выпускомъ и копіи съ которыхъ онъ сохранилъ довольно тщательно: очевидно, и въ это время онъ никогда не брался за перо только для того, чтобы наполнить пустую страницу. Въ языкѣ его теперь чаще прежняго встрѣчаются очень смѣлыя для того времени, чисто народныя выраженія (въ родѣ: ч а с т е х о н ь к о, н е в з в и д ѣ л ь и пр.), до тѣхъ поръ освященныя примѣромъ одного Крылова ¹⁾.

Благодаря лицейской свободѣ, Пушкинъ и нѣкоторые изъ его товарищей близко сошлись съ офицерами лейбъ-гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ. Это было не совсѣмъ подходящее общество для 17-лѣтнихъ студентовъ, и вакхическая поэзія Пушкина именно здѣсь могла перейти изъ области мечтаній въ дѣйствительность; но надо замѣтить, что среди лейбъ-гусаръ Пушкинъ встрѣтилъ одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей эпохи (притомъ убѣжденнаго врага всякихъ излишествъ) П. Я. Чаадаева, который имѣлъ на него сильное и благотворное вліяніе въ смыслѣ выработки убѣжденій и характера; да и прославившійся своими проказами и «скиѣскою жаждою» П. П. Каверинъ учился въ геттингенскомъ университетѣ, и недаромъ же Пушкинъ видѣлъ въ немъ живое доказательство того,

¹⁾ Ег о Пушкинъ внимательно изучалъ уже съ 15-лѣтняго возраста. См. въ стихотвореніи «Городокъ» объ немъ: И ты, шутникъ безцѣнный,

Который Мельпомены

Котурны и кинжалъ

Игривой Талы далъ» (о пьесѣ Крылова: Трумфъ).

Что рѣзвыхъ шалостей подѣ легкимъ покрываломъ

И умъ возвышенный и сердце можно скрыть».

¹⁾ См. «Посланіе къ Каверину» въ первоначальномъ видѣ.